

РЕГИМАНТАС АДОМАЙТИС:

Культура. — 2003 — 6 — 12 марта. — с. 10

Мне пророчили: станешь священником

Это имя открыл миллионам зрителей выдающийся режиссер Витаутас Жалакявичюс картиной "Никто не хотел умирать". Регимантас АДОМАЙТИС — уже давно не просто известный актер, но символ строгого обаяния, мягкого магнетизма и мужской красоты. Как и любой из плеяды прибалтийских звезд, он интеллигентен и сдержан, интеллектуален и глубоко психологичен. Начал он свою карьеру в маленьком Каунасе, а с 1967 года и по сей день работает в Вильнюсском академическом, который сейчас называется Национальным драматическим театром. В прошлом, в течение 30 лет, Адомайтис делал по фильму в год, но никогда не считал количество своих картин. В 90-е снимался в эпизодах за границей — играл русских мафиози (это после всех иностранцев, сыгранных им в советском кино!). Адомайтис смиренно констатирует: "Просто я был рядовым солдатом кинематографа". Был?!

— Регимантас, хочу спросить у вас о сочетании двух сфер духовности — религии и искусства, о том, как они пересекаются в актере. Актерскую профессию Церковь исстари считает греховной, и в то же время ее можно рассматривать как миссию. Как вы к этому относитесь?

— Вообще, что это за профессия "актер"? Актер — это проститутка. Он всегда отдается — роли, персонажу, режиссеру. Он должен отдаваться. Что это за профессия, тем более для мужчины! И наверное, в этой профессии интересны только те, кто имеет право называться личностью. И всегда были личности интересные, а не скоморохи, "актеры актеровичи" обаятельные. Они — подавай любую роль — пожалуйста, сыграют! Это, наверное, и грех, и миссия. Какая-то правда есть в том, что раньше не позволяли хоронить актеров на христианском кладбище. Они вроде бы не имели своей души. И действительно, любой артист впитал столько разных душ, что его собственная, может быть, уже сгладилась, вытерлась совсем с духовной доски. Пустота только осталась. Помню, я играл в пьесе Жана Поля Сартра "Затворники Альтоны" бывшего нациста, который участвовал в зверских расправах над партизанами, хотя в молодости был воспитан в духе гуманистических принципов. Он не может с этим противоречием смириться, закрывается на чердаке в своем доме и живет там годами. Не выходя. Он уже немножко... полусумасшедший. Очень сложная роль, и когда я играл, так входил в нее, что после спектакля не мог спать. Это было такое... не знаю, как вам сказать. Это было опасное слияние с персонажем... Но спектакль окончился, и ты снял маску, забыл, оставил все. Ты был другим только на время представления и ни в коем случае не вносишь это в жизнь, потому что такие вещи могут довести даже до неких болезненных превращений... Конечно, с годами многие вещи делаешь не

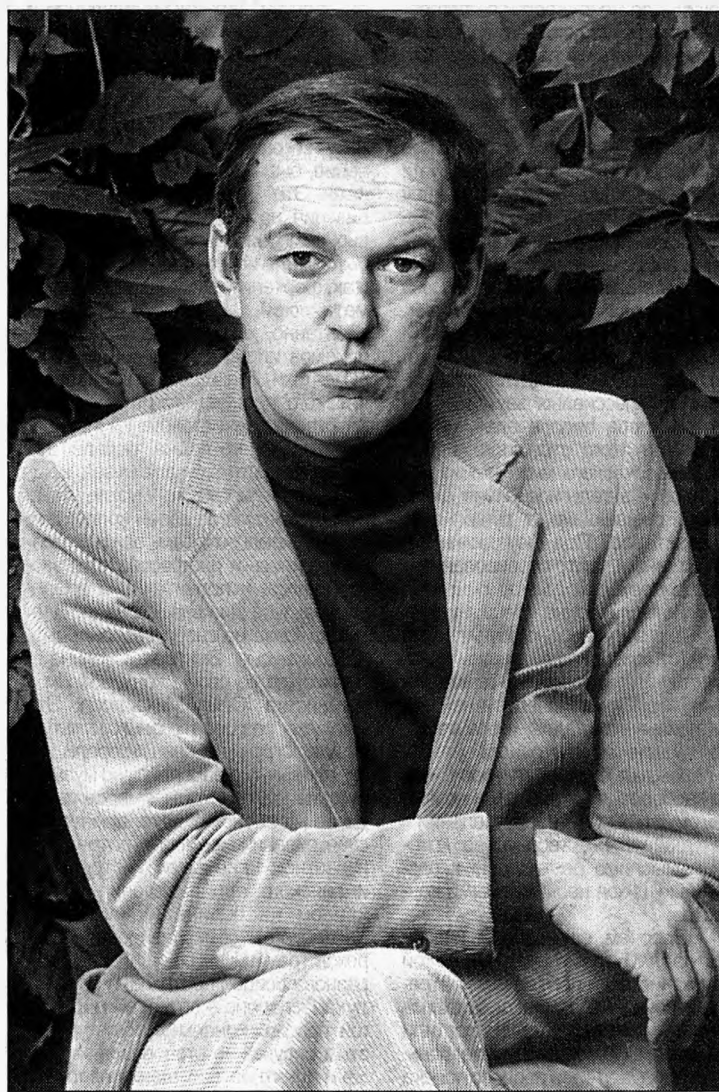
слишком изнутри — мастерство, жизненный опыт включаются, и ты всегда остаешься "со стороны". Может быть, это очень правильно... Странную пустоту ощущаешь в своей душе после каждого удачного, хорошо прошедшего спектакля. Ты выглотнул на общее съедение свою душу. И от этого у тебя грусть, такое одиночество! Отстраненность появляется. Не знаю, как определить подобное состояние, но это именно пустота.

— Тяжело. И сколько должно пройти времени для того, чтобы "подзарядиться", восстановиться?

— От ощущения пустоты освобождаешься довольно быстро. На следующий день уже почти приходишь в себя. Это примерно как голод. Частое явление в нашей среде, когда человек себя растрчивает и ему больше нечего дать другим. Надо, наверное, думать об этом с молодости — о пище духовной.

— Вы воспитаны в католической вере?

— Я рос в верующей семье и сам был искренне верующим, будучи еще в школе. Ходил в церковь. Я был человеком замкнутым, любил одиночество. Такой немного отшельник. Столкновение с реальным миром меня не то чтобы шокировало, но отпугивало. Я все больше уходил в мир фантазий, выдуманных вещей. Мне даже пророчили, что стану священником. Этого не случилось. От Церкви я как-то отошел. Иногда захожу в церковь, но уже перестал молиться. Перестал слепо верить. И все же я считаю, что остался верующим в том смысле, что понимаю нашу ограниченность, невозможность постичь мир, познать до конца... Откуда? Как все это объяснить? Почему так, а не иначе? Почему эта грубая материя движется по каким-то законам? До театрального я окончил физико-математический факультет Вильнюсского университета, и по первой профессии я — физик. Наш век продвинул познания в классической физике так глубоко,

Р.Адомайтис

что мы проникли в атом и даже... ну, космос — тот же атом. Кажется, это не конец. Это не все наше познание. А человек будет все дальше и дальше искать новое. А где конец? И где первопричина? Уже приходишь к Богу в результате рационального понимания мира. Действительно, надо верить, отдаваясь, как роли, всей душой, без критического отношения. А наш ум уже настолько испорчен — мы ко всему относимся критически! Столько сейчас скепсиса, иронии, цинизма. Мы потеряли свою детскую наивность, наивный взгляд на мир, на других людей. Вы знаете, актеры все равно должны оставаться детьми, иметь довольно большую долю наивности, чтобы продолжать свое существование в профессии. Иначе никто из нас не занимался бы этим!

В абсурде нашей профессии есть какое-то совпадение с абсурдностью человеческого бытия. Если писателя сейчас не читают, он может претендовать на будущее призна-

ние: ну, подождите, гады, через сто лет вы меня вспомните, вы будете меня читать! Часто так и происходило. А у актера нет никаких претензий на вечность. Относительную, конечно.

— А кино?

— Другая прелесть. При этом кино — такое странное искусство, в котором я ни черта не понимаю! Вроде правильно сыграешь, а вдруг дубль не так сделал. Боже, совсем собой не доволен! Вдруг ракурс иной, и рождается другая правда, которая напрямую не вытекает из игры актеров или режиссуры. Экран рождает какую-то другую правду, совершенно другое измерение правды.

— А в рекламе вы снимались?

— Снимался несколько раз. Мир вещей, мир материальный, деньги — это страшная вещь. Он человека пожирает постепенно, незаметно. Замечаешь, что часто начинаешь думать не об искусстве, а о деньгах.

— У вас семья большая?

— Трое сыновей. Они уже само-

стоятельные, но тем не менее мне приходится содержать семью. Старший сын отдельно живет, в другом городе работает, средний — сейчас в Америке, младший... У меня довольно большая квартира — половину зарплаты отдаю за нее. Кормимся нормально, не живем только на овсяной каше. Позволяем себе и соки, и бутылку вина, не стесняя себя.

— Сыновья не пошли по вашим стопам?

— Один только, средний, окончил театральный, но, к сожалению, молодым у нас сейчас очень трудно: в театрах мест нет, заполнены все штаты. А в провинцию никто не хочет ехать. В Вильнюс постоянно приезжают труппы, филармонии, театры — всегда можно в культурном смысле что-то новое увидеть. Художников много, интересных людей, с которыми можно общаться. Сын вел на телевидении программу "Вести" — 3 минуты, но ее отменили. Несколько месяцев был без работы и уехал в Америку. Просто зарабатывать. Пива хочется, на дискотеку хочется, девушку угостить хочется. А деньги?

— Жизнь в Литве после отделения от Союза тяжелее стала?

— Для меня — да, потому что тогда я постоянно снимался, а сейчас стало действительно трудно, кино практически перестало для меня существовать. Пришло поколение очень молодых режиссеров, каждый — со своей командой, актерами, находками. А мы, мое поколение, постепенно оказываемся на обочине. Я в последний раз восемь лет назад в России снимался. С тех пор ничего. Понимаете, ничего, ничего... Может быть, Будрайтис, который в Москве постоянно живет, работает, общается много, так себя не ощущает. Банионис тоже еще снимается довольно активно, получает приплатнения. А я очень сильно все это чувствую.

— А знаменитым, узнаваемым вы себя ощущаете?

— Особенно в России, когда по Москве идешь и люди тебя узнают, оборачиваются... Звезда не звезда, но какая-то известность была. Россияне очень любят кино и очень хорошо относятся к актерам. Культ, особое отношение. А у нас его нет. Никто не обращает внимания, никто не замечает даже...

— Почему не могу понять? Такие актеры у вас потрясающие!

— Маленькая страна. Но я из-за этого совершенно не переживаю. Приятно, конечно, для самолюбия, когда тебя узнают. Значит, что-то осталось в памяти людей. Но прекрасно понимаешь, что это только пена, которая на поверхности.

Беседу вела
Арина АБРОСИМОВА
Фото Валерия ПЛОТНИКОВА